Александр I Его личность, правленіе и интимная жизнь

Г. Н. Алексеев

SHOUT
SHARE
IT

-
- АМФИТеатровЪ, Алекс. Господа Обмановы,
- Вл. Короленко. Чудная.....
- Новые матерглы по біограФіи россійскихъ
- Томъ III. Елизавета Петровна, ея проис-

Matériaux inédits pour la biographie. Tome IX.

Новые матеріалы по біографіи россіискихъ коронованныхъ особь, составленные на основаніи заграничныхъ документовъ.

ТОМЪ IX.

Александр I Его личность, правленіе и интимная жизнь.

Составилъ Г. Н. Алексеевъ.

БИБЛИОТЕКА

Среди монарховъ, удостоившихся носить „шапку Мономаха“ Александръ I, или какъ онъ впоеледствіи царевыми льстецами былъ названъ, „Благословенный“, занимаетъ особое место. Подъ его царствованіемъ Россія впервые, можно сказать вступила на широкій путь международная политическая общенія, и съ известной точки зренія можетъ быть оправдываемъ взглядъ, неоднократно высказанный въ Западной Европе, что ,,европейскій“ періодъ русской исторіи, начинается, въ сущности съ восшествіемъ на престолъ Александра.

Вина въ томъ, что подъ царствованіемъ Александра Россія была вовлечена въ водоворотъ европейской политики, конечно не можетъ быть приписываема старшему сыну Павла. Весь европейскій Западъ при восшествіи его на престолъ переживалъ историческій періодъ переоценки всехъ считавшихся доселе незыблимыхъ политическихъ началъ. Скромный корсиканскій офицеръ, Бонапарте, гигантскими шагами приближался къ зениту своей славы и власти. Вся

каррьера Наполеона протекла при жизни и царствованіи Александра, при немъ же совершилось паденіе этого глашатая и распространителя, а потомъ и покорителя политическихъ принциновъ французской великой революціи. Представлялась, конечно возможность, чтобы въ періодъ борьбы за и противъ идей французской революціи, наши тогда руководящія сферы держались въ стороне и только издали наблюдали за великой международной борьбой на Западе. Трудно предположить, чтобы въ Россіи начала 19-го столетія, идеи эти могли бы настолько революціонировать народъ, что явленіе это могло бы, съ точки зренія правителей, разрастись до фактора, серіозно угрожающаго целости и спокойствию Имперіи. Съ этой точки зренія всякое вмешательство Россіи въ междуусобную борьбу иностранныхъ

государствъ съ Франціей и ея союзниками была совершенно излишня. Необходимо: оно было, опять таки, конечно, съ точки зренія этихъ сферъ и въ интересахъ престижа монархическаго, и притомъ легитимистическаго, начала, и въ связи съ этимъ и въ интересахъ той касты, которая существуетъ и только можетъ существовать въ абсолютно управляемой странѣ, и въ особенности въ странѣ, въ которой абсолютизмъ отличался такой крайностью и последовательностыо, въ которой онъ принялъ наиболее. омерзительныя формы, какъ въ Россіи, доставшейся Александру отъ такого предшественника, какъ Павла.

Время, въ которое Александръ былъ призванъ править Россіей, было такимъ образомъ чрезвычайно важное и серіозное. Волей судебъ, и именно судебъ, какимъ мы увидимъ ниже, - а не самого венценосца, Россія въ теченіи довольно долгаго и важнаго времеми была призвана играть выдающую и даже руководящую въ международной политике роль. Насколько Александръ воспользовался и насколько онъ, благодаря своимъ личнымъ качествамъ былъ въ состояніи воспользоваться представившимся ему благопріятнымъ полоягеніемъ для управляемаго имъ государства, въ смысле укрепленія его вліянія среди европейскихъ державъ, а также въ смысле культурнаго и политическая подъема управляемыхъ имъ народовъ, мы постараемся изложить въ следующихъ строкахъ, развернувъ передъ читателями, главнымъ образомъ, внутреннюю, такъ сказать, интимную сторону жизни и духовнаго развитія старшаго сына Павла, стоявшаго во главе управляемаго имъ государства 24 года, вошедшаго на престолъ вследствіе трагической кончины отца своего, и уступившаго державу россійскую также при обстоятельствахъ, по настоящій моментъ еще окончательно не выясненныхъ.

Александръ родился 12 декабря 1777 года. Онъ былъ сыномъ Павла отъ втораго брака съ вюртембергской принцессой Маріей Феодоровной. Наиболее выдающійся историкъ Россіи этого времени, Шиль-

деръ, а также профессоръ Ключевскій не разделяютъ мненія, что Александръ, благодаря хлопотамъ бабушки Екатерины, получилъ хорошее воспитаніе; онъ былъ воспитанъ очень заботливо, но не хорошо, и не хороша именно потому, что слишкомъ заботливо. Вскоре после рожденія бабушка, которая считала себя большой педагогичной, оторвала внука отъ матери, чтобы воспитать его по правиламъ тогдашней философской педагогики, т. е. ,,по законамъ разума и въ принципе добродетели.“ Тогда ,,Эмиль“ Руссо считался ходячимъ учебникомъ такой педагогіи; этотъ учебникъ требовалъ, чтобы

воепитаніе давалось человеку крепкое, закаливавшее противъ всехъ житейскихъ и физическихъ невзгодъ; согласно съ этимъ Екатерина поместила маленькаго внука въ комнате Зимин го Дворца, обращенной окнами къ Адмиралтейству, чтобы заранее пріучить ухо его къ пушечнымъ выстреламъ; но слуховой нервъ ребенка не вынесъ преждевремеинаго закала, и великій князь на всю жизнь остался тугъ на одно ухо. Когда внукъ сталъ подрастать, она составила планъ воспитанія, по обычаю своему довольно полными пригоршнями зачерпнувъ правила въ буквальномъ переводе изъ сочиненій Локка. Вместе съ темъ образованъ былъ штатъ воспитателей; главнымъ изъ наставниковъ былъ избранъ полковникъ Лагарпъ, швейцарскій республиканецъ, восторженный, но осторожный поклонникъ тогдашнихъ французскихъ идей, „ходячая и говорливая французская книжка“. Учить великаго князя русскому языку призванъ былъ Михаилъ Никитичъ Муравьевъ, очень почтенный и образованный человекъ и очень недурный писатель въ либерально-комическомъ и сантиментально - дидактическомъ направленіи. Наконецъ, общій надзоръ за воспитаніемъ порученъ былъ графу Салтыкову, одному изъ вельможъ Екатериненской школы, который зналъ твердо только одно, какъ жить при дворе, делалъ, что скажетъ жена, и подписывалъ, что подасть секретарь; впрочемъ его партитура въ этомъ педагогическомъ оркестре состояла въ томъ, чтобы предохранять великаго князя отъ сквознаго ветра и засоренія желудка. Лагарпъ, по его собственному признанно, принялся за свою задачу очень серіозно какъ человекъ, сознающій свою обязанность передъ великимъ народомъ. Онъ началъ читать съ великими князьями, съ Александромъ и Константиномъ, которые ему были поручены, латинскихъ и греческихъ классиковъ, Демосфена, Плутарха, Тацита ; англійскихъ и французскихъ историковъ, философовъ и публицистовъ : Локка, Гиббона, Руссо, Мабли и т. д. Во всемъ, что онъ говорилъ и читалъ питомцамъ, шла речь о человеческомъ разуме, о человеческомъ благе, о происхожденіи общества, о равенстве людей, о справедливости и настойчивее всего о свободе человека, о нелепости и вреде деспотизма, о гнусности рабства и т. д. Добрый и умный

Михаилъ Муравьевъ подливалъ масла въ огонь, читая ребенку свои идилліи о любви къ человечеству, о законе мысли, заставляя переводить все техъ же Локка, Гиббона, Руссо и т. д. Все это говорилось и читалось будущему самодержцу россійскому въ возрасте отъ 10 до 14 летъ, т. е. довольно преждевременно. Въ эти годы, когда люди живутъ непосредственно впечатленіями и инстинктами, отвлеченныя идеи превращаются у нихъ въ

политическіе образы,, моральные принципы въ чувства; преподаваніе Лагарпа и Муравьева не давало ни реальныхъ знаній, ни логической дрессировки ума, не вводило въ историческую дейетвительность и не могло еще серіозно возбуждать и направлять мысли; высокія идеи въ уме двенадцатилетняго политика и моралиста отлагались какъ политическая и моральная сказка, наполнявшая детское воображеніе недетскими образами и волновавшая его незрелое сердце очень зрелымн чувствами. Если мы прибавимъ къ этому графа Салтыкова съ его доморощеннымъ курсомъ придворной гигіены и придворныхъ манеръ, то легко заметить, какой пробелъ оказался въ воспитаніи великаго князя; „его учили, какъ чувствовать и какъ держать себя, но не учили, какъ мыслить и действовать, ему не задавали ни житейскихъ, ни научныхъ вопросовъ, которые бы онъ разрешалъ самъ, ошибаясь и поправляясь; ему на все давали готовый ответъ, политическіе и нравственные

догматы, непререкаемый истицы, которыхъ не нужно; оставалось только прочувствовать и затвердить; его не заставляли ломать голову, его не воспитывали, а какъ сухую губку пропитывали дистиллированной и общечеловеческой моралью, насыщали лакомствами европейской мысли. Великій князь не познакомился со школьнымъ трудомъ, съ его миньятюрными горями и радостями; онъ не видалъ борьбы школьника съ учебникомъ, не испыталъ победъ на холодныхъ поляхъ ученическихъ тетрадей, техъ победъ и пораженій, которыя, можетъ быть, одни только и даютъ школе серіозное воспитательное значеніе. Александръ очень много читалъ, еще больше слушалъ, но онъ мало учился!“ Изъ записокъ второстепенныхъ русскихъ учителей мы часто видимъ горькія жалобы на его праздность, медленность и лень, нелюбовь его къ т. н. упражненіямъ. Когда великій князь подросъ настолько, чтобы понимать, а не чувствовать лишь возвышенные уроки Лагарпа, онъ искренно привязался къ идеалистуреспубликанцу и сталъ слушать его съ наслажденіемъ, только то былъ художественный моціонъ, а не умственная работа Благодаря преподаванію Лагарпа и Муравьева легко понять, какой обильный пріемъ политическихъ и нравственныхъ иддилій данъ былъ великому князю. Эта идиллія подействовала на его вкусы; великій князь сталъ рано думать о сельскомъ уединеніи, не могъ безъ восторга пройти мимо поле-

вого цветка, крестьянской избы и т. п.; онъ рано привыкъ скользить по житейскимъ явленіямъ легкимъ взглядомъ того человека, для котораго жизнь — пріятное препровожденіе, а міръ

обширный кабинетъ для эстетическихъ и политическихъ наслажденій. Съ летами все это изменилоеь. Случилось такъ, что этотъ обширный и полезный процессъ въ Александре былъ прерванъ. Зная по опыту, какъ добродетель таетъ

легко подъ палящими лучами страсти, императрица

Екатерина поспешила застраховать своего внука, женивъ его въ 1798 г., когда ему не исполнилось еще 21 года; для этого была призвана Баденская принцесса Елизавета Алексеевна. Каковъ бы ни былъ взлядъ на бракъ, но правъ Фонвизинскій недоросль, сказавъ, что женитьба или замужество — конецъ ученію. Теперь для Александра пошли другіе интересы, началось другое развитіе, непохожее на прежнее юношеское. Грецін и Римъ, республика, свобода, равенство, какое же место, спрашивается, въ этомъ калейдоскопе героическихъ образовъ и политическихъ идеаловъ занимаетъ Россія со своимъ невзрачнымъ прошедшимъ, съ неограниченной монархіей, съ крепостнымъ правомъ и т. п. особенностями политическими и соціальными; какъ въ голове великаго князя родная действительность могла укладываться съ темъ, что проповедовалъ гувернеръ-республиканецъ? Очень просто: ее, эту действительность, признавали какъ

фактъ низшаго разбора, какъ стихійное неразумное явленіе, признавали ее и игнорировали, т. е. ничего объ ней больше знать не хотели. Лагарпъ въ этомъ отношеніи поступалъ съ великимъ княземъ какъ въ былое время поступала гувернантка съ девушкой. Воспитательница, девица не первой молодости, нарисуетъ, бывало, воспитаннице очаровательный міръ благовоспитанныхъ людскихъ отношеній, основанныхъ на правилахъ строгой морали, строжайшей вежливости, въ которомъ даже показать кончикъ носка изъ подъ платья грехъ — и вдругъ обе девы тутъ же въ доме налетаютъ на натуральную сцену: юная устремитъ на старую изумленный и сконфуженный взглядъ, а та успокоитъ ее и скажетъ: „ничего, иди къ себе“.

Лагарпъ осторожно обходилъ больныя места русскаго государственнаго и общественнаго порядка, а впоследствіи онъ советовалъ питомцу и не лечить ихъ. Съ грузомъ античная образованія и самоновейшихъ политическихъ идей, Александръ вступилъ въ действительную жизнь. Она встретила его не то, чтобы сурово, а какъ то безсмысленно. Бабушкинъ внукъ онъ былъ вместе съ темъ и сыномъ своего отца и сталъ въ очень неловкое положеніе между отцомъ и бабушкой; то были два двора, два особые міра; нравственное разстояніе между ними было несравненно шире географическая. Каждую пятницу старшіе велите князья, Александръ и Константинъ, должны были

отправляться въ Гатчину; по субботамъ бывалъ парадъ,

Гатчинскій вахтъ - парадъ, следовательно не шутка. Старшій великій князь былъ командиромъ втораго батальона, младшій третьяго, вечеромъ они возвращались въ Петербургъ. Въ Гатчине Алексаидръ слушалъ жестокую команду, суровыя слова, непріятные казарменные жесты и размахиванья; а вечеромъ, возвратясь въ Петербургъ, попадалъ въ салонъ Екатерины, въ те залы Зимняго Дворца, которыя назывались Эрмитажемъ, уединеніемъ, и где императрица проводила вечера въ избранномъ обществе; здесь шли толки о самыхъ важныхъ политическихъ предметахъ, велись самыя остроумныя беседы, шутились самыя изящныя шутки, смотрелись самыя отборны я французскія пьесы, а грешныя дела и чувства облекались въ самыя опрятныя прикрытія.

Вращаясь между двумя столь непохожими дворами, Александръ долженъ былъ жить на два ума, держать две парадныя физіономіи, кроме ежедневнойдомашней. Какая школа для выработки на тянутости, осторожности, скрытности, неискренности и какъ мало она была похожа на школу Лагарпа и Муравьева...

Со смертью Екатерины кончилась двухсмысленная жизнь; она заменилась однообразными, но очень суровыми тревогами; эти тревоги происходили изъ старинныхъ отношеній отца къ сыну; отецъ рано сталъ питать недоверіе къ сыну, рано отъ него оторванному; сынъ сталъ рано питать некоторое недоверіе къ отцу. Оба они были неправы и оба не были виноваты. Съ воцареніемъ Павла, Александръ назначенъ былъ на постъ военнаго губернатора въ Петербурге и командиромъ расположенныхъ въ округе войскъ; онъ долженъ былъ испытывать ежедневныя тревоги, трепетать вместе съ обществомъ нередъ новыми замыслами государя. Эти тревоги среди которыхъ завязалась популярность великаго князя, надолго набросила тень на его настроеніе. Надо признаться, что Александръ шелъ къ престолу не особенно гладкой и ровной дорогой; съ пеленокъ надъ нимъ перепробовали немало мудренныхъ и причудливыхъ воспитательныхъ экспериментовъ ; его не во время оторвали отъ матери для опытовъ разной естественной педагогіи; ни въ бабушкиномъ салоне, ни на отцовскомъ вахтпараде, ни въ Лагарповской аудиторіи его не выучили какъ следуетъ родному языку; современники свидетельствуютъ, что Александръ до конца жизни не могъ вести по русски разговора о какомъ нибудь сложномъ предмете. Такъ воспитывался великій князь и съ такимъ запасомъ понятій, чувствъ и наблюденій онъ вступилъ на престолъ. Давно уже у него сложился политическій идеалъ, который онъ высказывалъ въ беседе съ редкими людьми, къ

которымъ относился откровенно; къ числу ихъ принадлежалъ молодой образованный полякъ

\

Адамъ Чарторійскій, котораго приставила къ нему мать. Князь Адамъ Чарторійскій позже уже вспоминалъ эти беседы съ великимъ княземъ, отъ которыхъ онъ быль въ большомъ восторге. Александръ, ветретивъ въ окружающемъ обществе единственнаго человека, передъ которымъ онъ могь открыться, кажется старался вынести изъ души все, что тамъ лежало; онъ открыто признавался, что ненавидитъ деспотизмъ, въ какихъ бы формахъ онъ не проявлялся и следилъ съ живымъ участіемъ за ходомъ французской революціи, за рожденіемъ французской республики и желалъ ей всякаго успеха; онъ высказывалъ также, что считалъ наследственную власть нелепымъ учрежденіемъ, что выборъ лица, носителя верховной власти, долженъ принадлежать не рожденію, а голосу націи, которая всегда выберетъ лучшаго управителя.

Съ этимъ идеаломъ онъ вступилъ на престолъ тутъ впервые онъ вероятно долженъ былъ встретиться съ русской действительностью; прежде онъ зналъ либо салонъ, либо казарму. Такимъ образомъ онъ долженъ былъ почувствовать страшную пропасть между его привычными любимыми идеями и между столь же привычными, хотя и нелюбимыми фактами русской жизни. Отсюда изъ такого воспитанія онъ вынесъ свой главный недостатокъ: отсутствіе чутья действительности, практическая глазомера; это чутье и глазомеръ не даются даромъ. Александръ зналъ факты,

но искусственные, пробовалъ грязь, но деланную ; онъ зналъ грязь салона, грязь казармы, но не знакомъ былъ съ той житейской грязью, на которую обрекъ человека самъ Создатель, сказавъ: ,,въ поте лица добывай хлебъ свой“. Онъ не вынесъ ни привычки, ни любви къ процессу труда; отсюда идиллическій взглядъ на ходъ людскихъ делъ; онъ вступилъ на престолъ съ истиннымъ желанія добра всемъ людямъ и онъ былъ уверенъ, что достаточно пожелать добра, чтобы осчастливить людей, что благоденствіе водворится среди людей какъ то вдругъ и притомъ не будетъ сопровождаться ни напряженіемъ, ни стесненіемъ для личной власти Александра; свобода какъ то водворится безъ всякой потери для власти, власть какъ бы устоить безъ всякой потери для свободы; однимъ словомъ то была политическая идиллія. Практическій человекъ никогда не задаетъ жизни широкихъ задачъ, зная, что не въ силахъ разрешить ихъ, но онъ никогда не пугается передъ препятствіями, какія ставитъ жизнь. У Александра не было знанія ни того, ни другого; онъ вступилъ въ правительственную деятельность съ слишкомъ широкими

мечтами, но при встрече съ первыми препятствіями пугался, думалъ, что ошибался, онъ не зналъ ни степени опасности враговъ, ни степени силы препятствій; его первыя попытки обыкновенно охлаждались; неудачи вызывали въ Александре досаду, но досаду не на себя, а на

жизнь и на людей. Нерешительность, происходившая отъ испуга передъ препятствіями, сопровождалась унынiемъ, наклонностью опускать руки, легкой утомляемостью, еще прежде труда, онъ уже пугался затрудненій, смотрелъ уже на конецъ, а если конецъ не былъ близокъ, готовь былъ. чувствовать себя утомленнымъ. Это обычное свойство незнакомыхъ съ жизнью людей.

Изобиліе чувства и воображеніе при недостаточ номъ развитіи воли — все это соединилось въ настроеніе, въ какое попалъ Александръ съ 1815 года, и которое около того же времени получило названіе разочарованія; проще говоря, это нравственное унынiе. Благодаря тому Александръ охладелъ къ задачамъ внутренней политики; русская жизнь, которой онъ не зналъ стала казаться ему неподготовленной ; съ 1815 г.: стала даже обнаруживаться чрезвычайно раздражительное, даже скептическое отиошеніе ко всему русскому. Какъ скоро онъ сталъ въ такое отношеніе ко всему родному, его идеи должны былы переселиться въ Польшу и даже дальше заграницу. Во вторую половину царствованія Александръ жилъ умомъ и сердцемъ по ту сторону Вислы. По какъ скоро эти идеалы переселились на другую почву, можетъ быть ему более родственную по происхождение, они должны были измениться. Первая молодость прошла, силы были утомлены, юношескій порывъ охлажденъ, фран-

цузское свободомыслiе стихло, сменившись религіознымъ настроеніемъ, но особаго также романическаго свойства, безъ той суровой догматики и дисциплины, какую даетъ церковь. Такимъ образомъ, прежняя русско-политическая идиллія превратилась въ мирнорелигіозную ; эта то идиллія и выразилась на факте священнаго союза, въ попытке построить въ борьбе европейскихъ силъ международную политику на заповеди Евангелія, на правилахъ морали, на техъ правилахъ, одно изъ которыхъ гласитъ: ,,если кто ударитъ тебя по щеке, подставь ему другую“. Легко понять, что было бы, если бы это правило было проведено въ жизнь государства.

Таковъ былъ ходъ идей и чувствъ въ Александре ; эти идеи и чувства сказали решительное действіе на его политику. Александръ былъ прекрасный цветокъ, но тепличный, не успевшій акклиматизироваться, онъ роскошно цвелъ при хорошей погоде,

наполняя окружающую среду благоуханіемъ, но когда подула буря, настало столь обычное русское ненастье; этотъ цветокъ завяль и опустился. Эта исторія внутренней, нравственной жизни повторилась и въ политической деятельности Александра, къ каковой мы теперь переходимъ.

Безумнымъ восторгомъ было втречено вступленіе на престолъ Александра со стороны петербургскаго общества, которое объясняется нездоровымъ состоя-

ніемъ его въ предшествовавшее царствованіе. Восторгъ этотъ по донесеніямъ тогдашнихъ иностранныхъ пословъ въ Петербурге выражался отчасти въ очень комичныхъ формахъ. На улицахъ столицы появлялись запрещенные костюми, высокіе сапоги съ отворотами, упряжь, экипажи и т. д. Зубовъ на другой вечеръ по смерти императора Павла устроилъ въ своемъ доме попойку, на которую явился во всемъ запрещенномъ, во фраке, въ жилете изъ трехцветной матеріи и т. п. и началъ метать банкъ, недавно запрещенный. Понятно, какое впечатленіе долженъ былъ произвести новый императоръ на столь взволнованное общество; это было нечто еще не виданное въ Россіи. Молодой государь, которому только что пошелъ 24-ый годъ, являлся на улицахъ столицы безъ свиты, не носилъ никакихъ украшеній, даже часовъ, при встрече съ подданными довольствовался только поклонами, жилъ очень скромно, впередъ назначая себе известную сумму денегъ, и если расходовалъ ее, жилъ въ долгъ. Съ первыхъ минутъ царствованія онъ спешилъ резко заявить свою программу, направленіе деятельности; на это направленіе указывалъ уже манифестъ 12 го марта о вступленіи на престолъ. Въ манифесте было заявлено, что новый императоръ будетъ управлять ,,Богомъ порученнымъ престоломъ и народомъ по законамъ и по сердцу своей великой бабки“; а имя Екатерины еще оставалось символомъ либеральныхъ и гуманныхъ идей. Это направленіе заявлено было целымъ потокомъ новыхъ указовъ, полившимся съ первыхъ дней новаго царствованія. Все эти указы были направлены въ одну сторону, все они торопливо заметали следы, оставленные прошедшимъ царствованіемъ, каждый изъ нихъ отменяетъ какое нибудь стесненіе, заглаживаетъ память о какомъ нибудь насиліи. Трудно даже перечислить рядъ этихъ указовъ изданныхъ въ первые 3 — 4 месяца царствованія; приведемъ главные изъ нихъ, чтобы показать характеръ новаго правительства. Возстановлена была жалованная грамота городамъ и дворянамъ; возвращены права военнымъ и гражданскимъ чиновникамъ, лишившимся ихъ по приговору военнаго суда или по указу въ минувшее царствованіе; такихъ чиновниковъ, оставленныхъ съ лишеніемъ правъ, безъ

возможности воротиться на службу, было свыше десяти тысячъ; разрешенъ былъ свободный выездъ русскихъ людей въ чужіе края, какъ и въездъ иностранцевъ въ Россію; открыты частныя типографіи, разрешенъ свободный вывозъ русскихъ произведеній заграницу. Тайная Экспедиція, т. е. тайная полиція, учрежденная Екатериной была закрыта, наконецъ, строжайше запрещена пытка, которая несмотря на запрещеніе ее въ прошедшее царствованіе, еще практиковалась въ тогдашнихъ русскихъ судахъ; мелочныя стесненія, касавшіяся частныхъ отношеніи домашняго быта пали сами

собой безъ особыхъ указовъ. Въ личныхъ беседахъ,. какъ въ письмахъ, изъ которыхъ некоторыя были тогда напечатаны, императоръ также ясно выражалъ свою программу или цель, какую онъ поставилъ для своей деятельности, цель эта состояла во водвореніи строгаго закона на место царившаго прежде произвола. Эта мысль высказана была довольно резко въ ответе$_г$ какой далъ императоръ на просьбу княгини Голицыной, о чемъ то недозволенномъ закономъ. Въ просьбе было заявлено, что государь выше закона, императоръ ответилъ, что онъ не признаетъ ка земле никакой власти, которая не вытекаетъ изъ закона. Согласно съ заявленнымъ направленіемъ, государя окружали люди, которые могли вести дела въ этомъ направленіи; то были все представители образованнаго дворянства, стоявшіе на высоте идей своего времени. Эти люди, давно уже знакомые Александру, разбросанные по разнымъ местамъ въ царствовапіе Павла, теперь призваны помогать новому государю; это были Новосильцевъ, графъ Кочубей, графъ Строгановъ и полякъ князь Адамъ Чарторійскій. Это были сыновья образованныхъ вельможъ, блиставшихъ при дворе Екатерины: Кочубей былъ племянникъ Безбородко, Строгановъ сьшъ того Строганова, который былъ вліятельнымъ лицомъ при Екатерине, Новосильцевъ его близкій родственникъ. Все это былъ народъ, воспитанный въ томъ же самомъ духе, въ какомъ воспи-танъ былъ самъ государь; учителемъ Строганова, напр, былъ французъ Роскъ, республиканецъ, действовавшій

9

при конвенте и создавшій известный республиканский календарь. У этихъ людей былъ одинъ политическій идеалъ — это государственное устройство Англіи, съ которымъ успели близко познакомиться Кочубей и Новосильцевъ, живя въ той стране. Они и составили тесный кружокъ, съ которымъ новый императоръ началъ тяжелую преобразовательную работу. Не занимая сначала никакого оффиціальнаго положенія, эти люди собирались по вечерамъ въ кабинете Александра и здесь

обсуждали преобразовательный меры; учрежденія и законы, которыми ознаменовались первые годы царствованія, все были выработаны въ этомъ тесномъ кружке, въ этомъ неоффиціалвномъ комитете, надъ которымъ очень много емеялись въ тогдашнемъ петербургскомъ обществе. Самъ государь въ шутку давалъ ему республиканское названіе, звалъ его ,,Комитетомъ Общественнаго Блага“. Въ этомъ неоффиціальномъ комитете съ поспешностыо, понятной при тогдашнемъ настроеніи Александра и были затронуты одновременно самые разнообразные политическіе вопросы: о реформахъ управленія, о перестройке соціальныхъ отношеній, о распространеніи просвещенія, о составленіи новаго кодекса и т. д. Прежде всего занялись устройствомъ управленія, именно центральлаго. Какъ мы знаемъ, центральное управление оста-

лось нетронутымъ вопросомъ въ царствованіе Екатерины; это царствованіе еще более его разстроило; въ центре дела вели коллегіи подъ руководствомъ Сената — законодательная, судебнаго и наблюдающая учрежденія; при Сенате действовалъ со значеніемъ блюстителя закона и представителя дйствующей власти генералъ-прокуроръ. Сенатъ и коллегіи постепенно теряли свое первоначальное значеніе въ продолженіе XVIII в. благодаря господству лицъ надъ учрежденіями и законами. Генералъ-прокуроръ велъ все дела внутренней политики; за Сенатомъ и коллегіями остались текущія дела. Все важные вопросы законодательнаго свойства разсматривались въ тесномъ кружке, который составился изъ лицъ, призванныхъ къ тому императрицей. Благодаря этому господству лицъ, Сенатъ и коллегіи превратились въ послушныя орудія личной воли. Надо было создать стройный механизмъ высшая центральная управленія, основанный на точныхъ и твердыхъ законахъ. Такова была первая задача, надъ которой работалъ неоффиціальный комитетъ. Следствіемъ этихъ первыхъ работъ была первая попытка устройства центральная управленія; она выразилась прежде всего въ новомъ законодательномъ учрежденіи, какимъ сталъ непременный государственный советъ. Этотъ советъ, составившійся изъ 12 членовъ получилъ названіе высшая законодательнаго места; каждый новый законъ долженъ былъ здесь обсуждаться.

— 23 —

Учрежденіе законодательнаго совета должно было изменить прежнее значеніе Сената; теперь Сенатъ былъ преобразованъ, онъ сталъ высшей судебной инстанціей и учрежденіемъ, руководящимъ всемъ управленіемъ ; Сенату принадлежалъ контроль надъ всемн подчиненными местами и наблюденіе за

государственными доходами и расходами. Отдельныя отрасли администраціи распределены были теперь между министерствами, которыя заменили старыя коллегіи; эти министерства указомъ 1802 г. учреждено было 8: между ними мы видимъ новое ведомство, которое не существовало въ русской центральной администраціи XVIII в. — министерство народнаго просвещенія.

При введеніи всехъ этихъ реформъ естественно долженъ былъ возникнуть вопросъ, составлявшей тогда больное место въ нашемъ общественномъ порядке: мы говоримъ о крепостномъ праве. Императоръ вступилъ на престолъ съ твердымъ намереніемъ такъ или иначе развязать это дело; на первое время онъ ограничился мыслью о необходимости определенія закономъ повинностей крестьянъ въ пользу землевладельца. Лагарпъ, какъ и практическіе тогдашніе деятели администраціи, пугались радикальнаго решенія крепостнаго вопроса; самъ Новосильцевъ, старшій изъ названныхъ сотрудниковъ Александра, былъ того мненія, что къ этому делу необходимо подойти исподволь, и вести его съ большой постепенностью, съ большой осторожностыо. Но другіе сотрудники не разделяли такой робости; они думали, что къ этому вопросу надо приступать прямо и решительно. Кочубей, напр., на заседаніи оффиціальнаго комитета, высказалъ мненіе, что постепенное и медленное веденіе дела только распространить агитацію въ помещичьей среде, что всего лучше разомъ развязать узелъ. Чарторійскій и Строгановъ были того же мненія. Чарторійскій напр., говорилъ, что крепостное право такъ ужасно само по себе, что ни иередъ чемъ не следуетъ остановиться, чтобы уничтожить его и эти толки выразились въ целомъ ряде законовъ, произведшихъ сильное впечатленіе на дворянское общество. Самый интересный изъ законовъ о крестьянахъ несомненно изданный 26-го февраля 1803 г., такъ наз. законъ о вольныхъ хлебопашцахъ. Законъ этотъ предоставлялъ землевладельцамъ право отпускать на волю своихъ крестьянъ целыми обществами или отдельными семействами съ землей, па условіяхъ, на которыхъ согласятся обе стороны, т. е. по добровольному соглашенію ; вышедшіе на волю такимъ образомъ крестьяне не причислялись къ государственнымъ крестьянамъ, но составляли особый классъ вольныхъ хлебопашцевъ. Законъ 26-го февраля былъ первымъ решителышмъ приступомъ къ разрешенію крепостного вопроса; онъ вместе съ темъ ноказалъ дворянскому обществу, что разрешеніе это не далеко; понятно, какъ должно было вол-

ловаться это общество, такъ неожиданно почуявъ Приближеніе развязки, которой оно боялось уже въ XVIII в.

Таковы были преобразовательный работы первыхъ летъ царствованія Александра; оне страдали многими недостатками, прежде всего оне были торопливы; ловыя учрежденія, новые законы недостаточно обдумывались, плохо разрабатывались и очень мало сообразовались между собой. Это понятно, если обратить вниманіе на характеръ вождей этого новаго движенія, на государя и его сотрудниковъ. Все это были люди вооруженные обильнымъ запасомъ либеральныхъ идей, но обладавшіе слабымъ знакомствомъ съ этой действительностыо, въ которую они призваны были внести новыя начала.

Преобразовательный работы были прерваны на полудороге внешними событіями: какъ известно, въ 1805/6 г. Александръ долженъ былъ вступить въ коалицію противъ Наполеона. Въ обеихъ войнахъ, веденныхъ въ союзе съ Австріей и Пруссіей, русская армія потерпела пораженія. Это были первые практическіе опыты для Александра; они впервые ознакомили его съ действительностыо, какъ она была; въ походахъ Александръ присмотрелся къ людямъ, съ которыми онъ долженъ былъ действовать и не встретивъ въ нихъ того, что онъ въ нихъ предполагалъ, онъ быстро въ ■ нихъ разочаровался. По окончаніи войны сотрудники стали удаляться отъ него; Новосильцевъ, Строгановъ уехали заграницу. Кочубей вышелъ изъ министерства; Чарторійскій покинулъ столицу и перенесъ свою деятельность въ Западный Край, ставъ попечителемъ виленскаго учебнаго округа. Съ удаленіемъ всехъ этихъ лицъ кончилось господство англомановъ. При Александре является новое лицо, которое сообщаетъ несколько новый характеръ возобновившейся преобразовательной деятельности императора — Сперанскій.

Ворвавшись со своими крепкими нервами въ вялое и разслабленное петербургское аристократическое общество, износившагося отъ деловаго безделія, Сперанскій встревожилъ и напугалъ это общество, какъ струя свежаго воздуха, прокравшаяся въ закупоренную комнату больнаго человека, который привыкъ дышать атмосферой, наполненной благовоніемъ и міазмами. Понятно, какъ такой умъ долженъ былъ отнестись къ русской государственной деятельности. Вотъ почему существующей русскій порядокъ представлялся ему какъ совершенная политическая безсмыслица, которую не стоило поправлять, а нужно было просто устранить, заменивъ новымъ порядкомъ, построеннномъ по правиламъ логики. Такія начала внесъ Сперанскій въ ту работу, которую онъ велъ съ Александромъ по возвращеніи изъ заграницы. Этой работой былъ грандіозный проектъ преобразованій, который обновлялъ бы весь политический и соціальный строй Россіи. Проектъ этотъ былъ

готовъ къ концу 1809 г., его не знали современники, не знаетъ его и наше поколеніе; до насъ дошли отъ него лишь отрывки, сделанные современниками, обнародованные уже по окончаніи царствованія Александра. Проектъ этотъ предназначенъ былъ къ подробной обработке; онъ излагалъ лишь общія начала, на которыхъ долженъ быть построенъ новый государственный порядокъ. Несмотря на то, что никогда не былъ осуществленъ, все же онъ представляетъ важное явленіе въ нашей политической исторіи.

Планъ, составленный Сперанскимъ государственная устройства не былъ его исключительнымъ деломъ. Александръ, возвратясь изъ заграницы передалъ своему статсъ-секретарю некоторые матеріалы, оставшіеся отъ прежняго неоффиціальнаго комитета, сообщилъ ему также некоторыя свои соображенія, такъ что самъ Сперанскій считалъ свой планъ только работой, которая привела въ порядокъ идеи императора. Нетъ сомненія, что ему принадлежала система этого плана и общія основанія, на которыхъ онъ долженъ былъ быть построенъ. Это даетъ возможность предположить впечатленіе, какое произвела на императора положенная на его столъ тетрадь, которая содержала въ себе этотъ планъ. Работа эта была совершена въ удивительно короткое время. Начатая въ концѣ 1808 года, она была уже готова къ Октябрю 1809 и въ два следующіе месяца была уже просмотрена и исправлена государемъ; последній, кажется былъ очень доволенъ этимъ трудомъ; это понятно: онъ увиделъ въ тетрадке свои собственныя идеи, но такъ обработанный, такъ убранныя, какъ онъ не предполагалъ возможнымъ сделать самъ; онъ взглянулъ на планъ, какъ чадолюбивая мать смотритъ на свою дочь, убранную ловкимъ парикмахеромъ.

Прежде всего мы знаемъ только извлеченія изъ этого проекта, сделанныя, правда, очень умнымъ современникомъ Сперанскаго, хотя его и недолюбливавшимъ; то былъ известный писатель, публицистъ своего времени Николай Тургеневъ, участвовавшій въ тайномъ обществе, но вышедшій изъ него раньше катастрофы 14-го декабря. Уехавъ заграницу, онъ не возвращался оттуда. Онъ читалъ планъ Сперанскаго и сделалъ изъ него несколько извлеченій, частью буквальныхъ, частью переложеній. Излагаемъ этотъ планъ только потому, что онъ никогда не осуществленный, представляетъ поучительный историческій документъ; онъ даетъ возможность наблюдать одно любопытное положеніе имевшее место въ нашей исторіи. Въ начале XIX века русскій императоръ, пришедши въ отчаяніе отъ положеніе отечества, решилъ водворить въ немъ порядокъ, основанный на законе. Любопытно, какъ онъ хотелъ это сделать. Сперанскій обозначаетъ сущность

своего плана: „Разумъ, смыслъ сего плана“, писалъ онъ потомъ, состоитъ въ томъ, чтобы посредствомъ. законовъ утвердить правительственную власть на твердыхъ основаніяхъ и темъ сообщить ея дѣйствіямъ более достойной и истинной силы.“ Онъ объясняетъ необходимость общаго преобразованія государственная устройства; необходимость создана историческими преданіями, практическими условіями; Сперанскій показываетъ въ краткомъ историческомъ очерке, что уже съ царствованія Алексея Михайловича въ Россіи жили и развивались идеи государственнаго порядка, основанная на законе, проще говоря, конституціонныя идеи. Несмотря на уклоненія, Россія по его мненію, всетаки шла къ свободе; раньше царствованія Алексея Михайловича, Сперанскій въ нашемъ темномъ прошедшемъ не ощущалъ подобныхъ идей; но законный порядокъ необходимъ и по современному положенію Россіи; потому что иначе жить нельзя; въ Россіи все существующее законы гражданскіе, уголовные — ничего не значущіе признаки, потому что нетъ законовъ политическихъ. Къ чему служитъ напр., законъ, обезпечивающій право собственности, когда самая собственность можетъ быть уничтожена произволомъ лица; или какъ можетъ распространиться просвещеніе, когда оно въ Россіи только вредно; зачемъ просвещать раба, когда просвещеніе еще горче дастъ ему почувствовать всю тяжесть его положенія; затемъ все умы находятся въ тягостномъ неспокойстве, отчего? Оттого, что сталъ невыносимъ существующій порядокъ, следовательно, существующей порядокъ уже не соответствуетъ общественному мненію. Сперанскій излагаетъ даже теоретическія основанія своего проекта, и выслушавъ ихъ, можно сейчасъ догадаться, изъ какого источника они заимствованы. Вотъ общія основы правильная законодательнаго государственнаго порядка: всякое правительство законно только тогда, когда оно основано на воле народа; каждое правительство действуетъ на известныхъ условіяхъ и перестаетъ быть законнымъ, если ихъ не исполняетъ; условія эти выражены - въ основныхъ законахъ страны, отсюда сле-

.

дуетъ: такъ какъ источникъ всякой власти есть воля государства, страны, то основные законы могутъ быть только деломъ народа; цель основныхъ законовъ ставить въ известные пределы деятельность верховной власти. Развивая отсюда подробности государственнаго порядка, Сперанскій говоритъ, что весь народъ не можетъ блюсти за правильностью действія основныхъ законовъ ; долженъ быть общій органъ наблюденія ; такимъ органомъ можетъ быть только высшій классъ. Этотъ

высшій классъ долженъ быть настолько образованъ, чтобы понимать сущность основныхъ законовъ и условія правильнаго дѣйствія власти; настолько независимъ, чтобы не бояться власти и настолько связанъ съ интересами народа, чтобы не покушаться на его свободу. Очевидно, такимъ наблюдающимъ органомъ должна быть

политическая аристократия, пользующаяся своими полномочіями лишь по довѣренности народа. Сперанскій формулируетъ свои мысли извѣстной фразой Монтескье: нетъ знати, нетъ и монарха, т. е. монархъ безъ знатя быть не можетъ. Какъ должна быть эта аристократія, чтобы дѣйствовать правильно? Стоя между властью и народомъ, не потакая первой и не угнетая вторую, она должна быть составлена изъ старшихъ сыновей извѣстныхъ фамилій, значеніе которыхъ держится на майоратѣ; кромѣ старшаго, все остальные сыновья принадлежатъ къ народу. Итакъ вотъ правильно устроенное общество, какъ оно представлялось Сперанскому: свободный народъ, впереди его дѣйствующая по его довѣренности знать и во главѣ общества связанная основными законами верховная власть. Чтобы возможенъ былъ такой строй общества, должны быть уничтожены существующія сословія; что такое зти сословія? Классы, общества, разделенные интересами,- следовательно, одинъ другому враждебные; на враждѣ классовъ и выростаетъ произволъ; следовательно, чтобы не было произвола должно устранить вражду классовъ, т. е. объединить общество; первое условіе правильнаго государственнаго порядка и есть общественное объединеніе; безъ этого условія не возможенъ ни одинъ элементъ правильнаго общественная порядка; ни свободный народъ, ни пользующаяся его довѣріемъ аристократія, ни соблюдающая основные законы верховная власть. Съ высоты такого

идеала Сперанскій спускался въ русскую дѣйствительность и съ трудомъ сдерживаетъ въ себе презрительноечувство; только чуть слышна въ немъ звучащая патріотическая нотка, которая смягчаетъ горечь изложенія этой части проекта. Въ Россіи нетъ ничего; есть законы, но они ничемъ не обезпечены, есть сословныя грамоты, но оне ничего не значатъ, ибо въ Россіи нетъ сословій, а есть, два класса рабовъ, одни — рабы верховной власти, а другіе рабы этихъ рабовъ, т. е. дворяне и крепостные.. Эти два класса непримиримо разъединены между собой и на непримиримости ихъ интересовъ держится абсолютная власть. Интересы дворянства — держать въ повиновеніи крестьянъ, интересы крестьянъ — чтобы дворяне были рабами короны; такимъ оразомъ обоюдный интересъ — общее рабство. Этотъ

обоюдный интересъ производить общую летаргію, убиваетъ народную энергію; при такомъ порядке народъ въ 1000 летъ не сделаетъ шагу впередъ. Итакъ въ Россіи нетъ ни закона,, ни народа, нетъ и монархіи, ибо абсолютная власть не монархія, а произволъ. „Всего меньше,“ добавляеть. Сперанскій съ удареніемъ, ,,въ Россіи истинной монархий; подъ монархіей тогда разумелось ограниченное единодержавіе. Итакъ, съ чего надо начинать преобразованіе государственнаго порядка въ Россіи? Съ. кореннаго источника, изъ котораго вытекаютъ все неправильности существующаго порядка, т. е. съ у страненія общественная разъединенія, вражды общественныхъ.

интересовъ; эта вражда обіественвыхъ интересовъ имеетъ свой корень въ крепостномъ праве. Итакъ, всякая реформа въ Россіи, расчитанная на успехъ и искренная должна начаться съ преобразованія соціальныхъ отношеній. Трудно удержаться при этомъ, чтобы не заметить, что первый разъ такъ просто и резко былъ поставленъ. этотъ вопросъ въ исторіи политическая сознанія Россіи. Прежде реформъ конституціи начинали сверху, съ преобразованія того, другого третьяго учрежденія и редко спускались въ полете своихъ преобразовательныхъ мыслей ниже столицы; Сперанскій первый взглянулъ на дело снизу, т. е. съ корней. Итакъ первая задача преобразователя — устроить правильныя, па законе основанный отношенія сословій. Довольно трудно сказать, какъ у Сперанскаго построенъ былъ планъ освобожденія крестьянъ. Въ томъ, что мы знаемъ, планъ этотъ является очень неудовлетворительнымъ. Освобожденіе крестьянъ должно было совершиться въ два пріема: прежде всего должны быть точно определены повинности крестьянъ въ пользу землевладельцевъ; для регулированія отношеній обоихъ классовъ должны быть учреждены особые суды, которые бы разбирали столкновенія крестьянъ съ землевладельцами. Потомъ постепенно долженъ быть возстановленъ свободный переходъ крестьянъ, существовавшій въ XVI веке. Подробности того и другого пріема не развиты въ доставшимся намъ извлеченіи. Если планъ

переданъ полно и верно, то Сперанскій думалъ о безземельномъ освобождены крестьянъ, но это освобожденіе представлялось ему возмолснымъ только въ далекомъ будущемъ; проектируемый имъ государственный порядокъ долженъ быть водворенъ раньше минуты, когда станетъ возможенъ этотъ фактъ. Какъ же спрашивается, конструируетъ Сперанскій общество при крепостномъ нраве? Онъ делитъ общество на три класса, которые довольно трудно согласить съ его общимъ, теоретическимъ соціальнымъ строеніемъ. Общество русское должно состоять изъ трехъ сословій: изъ дворянъ, изъ средняго сословія и изъ рабочаго

класса. Дворянство пользуется своими землевладельческими правами, хотя на основаніи закона, т. е. продолжаетъ править прикрепленными къ земле крестьянами, но оно обязано службой; Сперанскій возстановляетъ обязательную службу для дворянства ; каждый дворянинъ обязанъ слулсить въ арміи, или на гражданскомъ поприще не менее десяти летъ. Среднее сословіе состоитъ изъ свободныхъ классовъ, непринадлежащихъ къ дворянству; это купцы, мещане и государственные крестьяне; это среднее сословіе можетъ даже проникать въ составь дворянства, пріобретая напр, земельную собственность. Рабочій классъ состоитъ изъ несвободныхъ крепостныхъ крестьянъ, слугъ и мелкихъ ремесленниковъ, которые не могутъ пользоваться политическими правами наравне съ двумя высшими классами. Куда же девалась на-

блюдающая аристократія, и думалъ ли Сперанскій создать ее изъ русскихъ общественныхъ элементовъ? У него есть проектъ созданія такой аристократіи и очень характерный; онъ предлагалъ взять табель о рангахъ, да списокъ всехъ сановниковъ 14 классовъ, затемъ провести пальцемъ подъ 4-мъ классомъ и то, что окажется сверху зачислить въ аристократію : онъ съ горемъ замечаетъ, что попадетъ много негодныхъ людей, ко торые ничего не понимаютъ, ничемъ не докажутъ государству своего права на это положеніе, но что же делать? Наличное поколеніе авось когда нибудь вымретъ и его сменить более подготовленное къ делу потомство. Много скрытой грусти звучитъ въ этихъ строкахъ Сперанскаго. Впрочемъ эта аристократія первыхъ четырехъ классовъ осталась какъ то одинокой въ проекте Сперанскаго, ни къ чему не пріуроченной ; можетъ быть впрочемъ это объясняется не полнотой извлеченія, а не неполнотой постройки. Такимъ расчлененнымъ обществомъ должна была управлять целая сеть новыхъ учрежденій; все эти учрежденія земскаго характера, избирателъныя; они обхватываютъ общество сверху до низу, отъ государева кабинета до волостнаго правленія. Россія разделена на губерніи, уезды и волости; въ каждой волости земельные собственники, къ которымъ причислялись и казенные крестьяне, собираются разъ въ три года и составляютъ волостную думу; волостная дума избираетъ изъ своей среды членовъ волостнаго правле-

«

нія, проверяетъ волостные доходы и расходы и избираетъ депутатовъ въ уездную думу. Расходясь, дума оставляеть после себя постоянно действующее волостное правленіе съ исполнительной властью. Итакъ волостная дума — это волостной сходъ, волостное правленіе — исполнительная управа. Разъ въ

три года, стало после того, какъ разойдутся волостныя думы, собирается уездное земское собраніе; оно состоитъ изъ депутатовъ, выбранныхъ волостными думами; оно избираетъ членовъ уезднаго правленія или совета членовъ уезднаго суда и депутатовъ въ губернскую думу. Также устроены губернская дума и губернское собраніе, которое, контролируя доходы и расходы губерніи, выбираетъ членовъ губернскаго совета, губернскаго суда и наконецъ депутатовъ въ государственную думу. Государственная дума собирается сама собой въ известный срокъ, безъ особаго призыва; она состоитъ изъ депутатовъ губернской думы, число которыхъ опредѣляется закономъ. Государственная дума — учрежденіе; право предложенія закона въ этой думе принадлежитъ министерству, т. е. комитету министровъ; каждый законъ утверждается государемъ, впрочемъ въ некоторыхъ случаяхъ государственная дума пользуется правомъ иниціативы: такъ она можетъ привлечь къ ответственности министра, нарушающая законъ. Дума распускается, заседанія отсрочиваются по решенію государственнаго совета.. Государственный Советъ — высшее учрежденіе, хра

нящее законы; кажется туда преполагалъ Сперанскій поместить своихъ аристократическихъ маіоровъ, т. е. старшихъ сыновой; въ такомъ случае государственный советъ — палата лордовъ. Во главе судебнаго строя который начинается волостными судами съ характеромъ мировыхъ учреждены и развивается рядъ инстанцій, какими были суды уездные и губернскіе ; во главе этого строя стоитъ Сенатъ, блюстительне закона, а законнаго порядка въ делопроизводстве, т. е. судопроизводства; при немъ въ качестве высшаго прокурора стоитъ министръ юстиціи. Вотъ весь планъ Сперанскаго, поскольку мы его знаемъ. Этотъ планъ производитъ различное впечатленіе на разныя мгновенія его изученія; при первомъ чтеніи онъ поражаетъ необычайной смелостью и колоссальностью; мысли, встречаемыя въ немъ даже въ томъ разорванномъ виде, въ какомъ мы его читаемъ, врезываются въ память; мы не ошибемся, если скажемъ, что за весь XVIII и XIX векъ всеми русскими публицистами не было сказано и сотой доли того умнаго, что сказалъ во всемъ этомъ проекте о положеніи Россіи и исторіи переустройства ея Сперанскій. Но если не было сказано столько умнаго за то не было сказано и столько печальнаго. Проектъ Сперанскаго поражаетъ своей умственностью, вотъ почему любопытно иметь хотя смутное известіе о томъ впечатленіи, которое произвело его чтеніе на Александра; никогда никто не говорилъ государю такъ прямо и от-

кровенно. Потомъ вчитываясь въ проектъ, мы получаемъ

другое впечатленіе: мы узнаемъ его элементы, лучше сказать его источники. То были: 1) политическия идеи, 2) консульская французская конституция или конституція XVIII века, изъ которой взяты многія черты плана, напр, вся эта іерархія думъ какъ и строй высшихъ учрежденій. Наконецъ источникомъ была и русская действительность; Сперанскій сообразовалъ свои отвлеченныя построенія съ существующими отношеніями, и когда представишь себе все разнообразіе этихъ источниковъ, то становится жаль Сперанскаго. Таково двойственное впечатленіе или лучше сказать, таковы два впечатленія, который последовательно переживаешь, изучая этотъ планъ.

Планъ Сперанскаго никогда не былъ осуществленъ.

въ полномъ его размере, однако онъ не прошелъ совершенно безследно для самого автора его: онъ вооружилъ противъ него общество, не самъ собой, а некоторыми частями его, получившими практическое примененіе; согласно съ планами въ 1809 г. изданы были два мелкіе, но наделавшіе большого шума закона: второго апреля и шестого декабря. Законъ второго апреля направленъ былъ противъ придворныхъ чиновъ; при дворе въ званіи камергеровъ, камеръ-юнкеровъ состояли люди, которые не занимали никакихъ действительныхъ должностей, между темъ пользовались разными правами этой службы. Императоръ звалъ этихъ

сановниковъ дворцовыми полотерами. Законъ 1809 г., сохранивъ эти занятія, лишилъ ихъ сопряженныхъ съ ними преимуществу если облеченные ими люди не занимали действительной должности; придворныя званія остались теперь почетными отличіями, не дававшими никакихъ правъ и только. Понятно чувство, съ какимъ отнеслась придворная среда къ Сперанскому, который считался авторомъ закона. Законъ шестого Декабря направленъ былъ противъ самихъ чиновниковъ. Въ Россіи уже существовало несколько университетовъ, но стены ихъ аудиторій были довольно пусты за ненадобностью, ибо движеніе при службе совершалось быстро и безъ университетская образованія. Сперанскій, справедливо находя, что университеты эти не учреждены для забавы, что спеціальное образованіе, какое должны были получать учащіеся въ университете, необходимо государству, выработалъ законъ, въ силу которая известные чины, именно восьмого и пятого класса, могутъ быть получаемы только теми, кто имеетъ университетскій дипломъ, или темъ, кто выдержитъ установленный, соответственно университетскому, экзаменъ. Много почтенныхъ стариковъ, которые уже постучались въ двери статская советника, остались ни при чемъ навеки, ибо не имели университетская диплома и не могли иметь надежды

выдержать экзаменъ, темъ более, что программа экзамена была довольно сложная. И такъ придворная и чиновничья среда, две могуще-

ственныя силы въ столице, были вооружены противъ Сперанскаго и самъ государь, потерялъ къ нему довеpіе; трудно объяснить ходъ перемены, происшедшей въ его отношеніяхъ къ государственному секретарю; ни онъ самъ, ни Сперанскій потомъ никогда не объяснили того, что случилось между ними. Молено составить предположеніе, что Александръ, обдумавъ прочитанный имъ планъ, самъ испугался той минуты, когда онъ пытался его исполнить. Наконецъ противъ Сперанскаго возстало общественное мненіе, т. е. большое общество. Виной тому были его финансовыя меры. Сперанскому Александръ поручилъ устройство финансоваго хозяйства, и онъ долженъ былъ устроить его изъ самыхъ безнаделеныхъ элементовъ. Приближалась огромная война, бюджетъ былъ поколебленъ преленими войнами. Положеніе делъ въ 1811 году было таково: ассигнацій въ обращеніи было 577 милліоновъ; внешняго долга больше 100 милліоновъ; государственный доходъ вычисленъ былъ на 1812 г. въ размере 197 милліоновъ; для покрытія текущихъ расходовъ не доставало 66 милліоновъ; курсъ рубля былъ 33 коп. Сперанскому поручено было возстановить равновесіе въ этомъ бюджете; изъ чего? Онъ предложилъ, что могъ, т. е. возвышеніе прямыхъ налоговъ и косвенныхъ, подушная подать была возвышена съ рубля на два, а потомъ на три; оброкъ съ государственныхъ крестьянъ съ двухъ до трехъ; подушная подать съ мещанъ до пяти рублей;

сборъ съ купеческаго капитала до трехъ процентовъ. Въ виду расходовъ, какіе потребуетъ предстоящая война, эти налоги были еще временно возвышены. Все платящее и возстало на Сперанскаго. Едва ли справедливы те слухи, которые говорили о томъ, будто Сперанскій находился въ сношеніяхъ съ французами, о какихъ то бумагахъ, который онъ пересылалъ Наполеону и т. д. Въ начале 12 года Сперанскій, давно не ходившій къ императору, былъ призванъ къ нему. Сделавъ ему свой докладъ Сперанскій хотелъ уходить, императоръ удержалъ его и неожиданно сталъ упрекать его въ своеволіи, съ какимъ онъ бралъ къ себе некоторыя государственный бумаги, въ посягательстве на векоторыя вековыя русскія учрежденія, напр, на Сенатъ, созданный Петромъ и т. п. Затемъ онъ отпустилъ его, заметивъ, что онъ передастъ его должность другимъ. Когда Сперанскій воротился домой, онъ встретилъ министра юстиціи Балашева, который приготовилъ ему кибитку и Сперанскій, не простившись съ дочерью, отправленъ былъ въ Казань, потомъ былъ назначенъ въ Пермь, а далее

губернаторомъ въ Сибирь. Насталъ новый перерывъ во внутренней преобразовательной деятельности Александра.

Это былъ рядъ летъ, полныхъ шумныхъ успеховъ на военномъ и дипломатическомъ поприщахъ. Россія подверглась нашествію врага; прогнавъ его и идя по его стопамъ, принявшись освобождать одно за другимъ разныя государства Европы отъ французскаго ига, русская армія прошла почти до самого западнаго края Европы, водворила тамъ законный порядокъ, собрала развенченныъ государей и усадила ихъ на покинутыхъ престолахъ, дала имъ въ руки конституціонныя хартіи и разутая, и голодная, и раздетая воротилась домой. Съ 1815 года, когда кончились эти шумныя событія, императоръ вернулся изъ заграницы, чтобы продолжать прерванныя внутреннія работы; но эти работы получили иное направленіе, такъ какъ государь воротился съ похода совсемъ иной, не похожій на того, какимъ онъ началъ свою деятельность.

Внешнія дела 1812—1815 г.г. оказали могущественное вліяніе на ходъ внутреннихъ делъ; редко далее, когда внешняя политика такъ изменяла направленіе внутренней жизни въ Россіи, можетъ быть потому, что она редко переживала такія событія, какія испытывала въ те годы. Событія эти очень неодинаково действовали на русское общество и на русское правительство. Въ первомъ они вызывали необыкновенное политическое и нравственное возбужденіе. Высшіе руководители общества, т. е. военно-гражданскіе расположены были къ самымъ широкимъ ожиданіямъ, надеялись теперь, что правительство не только продолжить, но и расширить свою прежнюю программу, а между темъ правительство не расположено было проводить и прежней программы. На немъ отразилось то

ч

настроеніе, съ которымъ вышелъ изъ пережитыхъ опасностей его глава. Императоръ Александръ очень, очень утомился въ эти годы; быстрая смена победъ и пораженій нарушило въ немъ прежнее нравственное равновесіе. Не даромъ онъ въ 1814 г., возвращаясь изъ заграницы, привезъ домой седые волосы. Пережитыя событія поселили въ правительстве чувство утомленія, охлажденія къ энергичной внутренней деятельности, даже некоторое разочарованіе въ прежнихъ политическихъ идеалахъ; къ тому же ходъ внешнихъ событій поставилъ его въ упорную борьбу съ последствіями французской революціи, волей неволей сделалъ его представителемъ консерватизма въ международныхъ отношеніяхъ, возстановителемъ и охранителемъ законнаго порядка, основаннаго на преданіи старины. Это охранительное направленіе изъ внешней политики необходимо переносилось и

на внутреннюю; нельзя же было на самохмъ деле одной рукой заграницей поддерживать консервативныя начала, а дома продолжать преобразовательную, революціонную, какъ говорили тогда, деятельность. Какъ бы отвечая на изменившееся положеніе делъ, правительство слабо продолжало деятельность прежняго направленія; да и эта ослабленная деятельность сосредоточивалась не на коренныхъ областяхъ Россіи, а на окраинахъ, находящихся ближе къ Западной Европе; очевидно, путь тяготенія внутренней политики также переместился ближе къ западно-

русской границе. Слабый отблескъ прежняго направленія сказывался въ мерахъ правительства, касавшихся царства Польскаго и Остзейскихъ провинцій.

Основатель политическаго Союза, известнаго подъ именемъ Священнаго, т. е. религіозно - политическаго консерватизма въ международной политике, съ каждымъ годомъ все более убеждался, какъ шатки основанія, на которыхъ тогда держался европейскій политическій порядокъ: то тамъ, то здесь прорывались спышки; народы не хотели мирно сидеть на местахъ, на которыхъ ихъ усадилъ венскій конгресъ. Въ 1818 году германскіе студенты производятъ безпорядки и празднуютъ на Вартбурге 300 летній юбилей реформаціи. Они наделали много юношескихъ выходокъ, на что взглянули руководители германской политики чрезвычайно серіозно, т. е. говоря проще, трусливо. Въ 20 годахъ произошла революція въ Испаніи, которая отозвалась движеніями на Аппенинскомъ полуострове, въ Неаполе, Клермонте. Въ 1827 г. возстали греки противъ турокъ. Зданіе Венскаго конгресса разваливалось съ разныхъ сторонъ; по мере того, какъ усиливались на Западе волненія, возникали опасенія подобныхъ явленій въ Россіи. Съ этого времени получаетъ серіозное значеніе политика народнаго просвещенія; полиція умовъ становится серіознымъ вопросомъ, она выразилась въ целомъ ряде тревожныхъ меръ, принятыхъ для того, чтобы дать надлежащее направленіе литера-

туре и народному образованію, т. е. школамъ создана была новая организація надзора за печатью, не столько угнетающая тогдашнюю россійскую словесность, сколько обогатившая нашъ и безъ того богатый запасъ россійскихъ политическихъ анекдотовъ.

Когда возникъ вопросъ о пріисканіи старшему сыну Павла жены, Екатерина призвала въ Петербургъ двухъ принцессъ Баденъ-Дурлахъ, тетка которыхъ была первой женой Павла. Въ конце 1792 года, принцессы эти прибыли къ императорскому дворцу и остановились во дворце покойнаго Потемкина, где оне были приняты Екатериной сообща съ ея тогдашней

„пробирдамой“. Старшая изъ нихъ понравилась Александру, и 9-го Октября 1793 года была отпразднована свадьба съ необычной даже для того времени помпой.

На молодого великаго князя и его супругу возлагались самыя пышныя надежды. Ему тогда исполнилось 16, ей 15 летъ. Великая княгиня Елизавета была „прекрасна, благороднаго и тонкаго роста, элегантныхъ и чистыхъ нравовъ, обладала умомъ и талантомъ, а также изысканнымъ вкусомъ; характеръ у ней былъ добродушный, скромный и полный преданности“. Таковы были отзывы о молодой супруге будущаго императора. Что же касается великаго князя Александра, то графъ Делагардъ въ своихъ воспоминаніяхъ о вен-скомъ конгрессе отзывается о немъ следующимъ образомъ: „Въ немъ почти осуществляется идеалъ, восхищавши насъ въ Телемахе, но хотя мать его и обладаетъ всеми качествами Пенелопы, отецъ его далеко не былъ Одиссемъ, и не Менторъ руководилъ его воспитаніемъ. Александръ имеетъ благородныя убежденія, правильное сужденіе о вещахъ, острый умъ. Сердце его отъ природы открытое и безъ фальши. “Въ 1791 году Потемкинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Екатерине пишетъ объ Александре: „Онъ ангелъ, онъ принцъ моего сердца, рожденный и воспитанный для блага государства.

Великій князь Александръ Павловичъ былъ любимцемъ Екатерины II и императрица мечтала даже о томъ, чтобы престолъ перешелъ после ея смерти непосредственно къ нему, минуя Павла. Темъ не менее Александръ обрадовался смерти бабки ничуть не меньше Павла. Онъ былъ доволенъ, что „ему впредь не придется слушаться старой бабы.“ Судьба его въ качестве наследника престола была лучше, нежели положеніе Павла при жизни старой императрицы. Отъ отца своего Александръ иолучалъ пенсію въ размере 500000 рублей въ годъ; кроме того великой княгине было ассигновано ежегодно отдельно 150000 рублей. Павелъ назначплъ своего сына шефомъ втораго гвардейскаго полка и генеральнымъ инспекторомъ арміи, начальникомъ „канцеляріи войны и флота“, главнымъ

директоромъ полиціи имперіи и президентомъ сената... Но вся эта роскошь длилась не долго. Подозрительность Павла преследовала сына на каждомъ шагу. Любимцы императора обращались къ наследникомъ свысока. Александръ не смелъ замолвить ни слова для лицъ которыхъ онъ желалъ протежировать; подобное заступничество послужило бы верной гибелью для нихъ.

Александръ первый, благословенный, былъ чрезвычайно слабаго характера. Онъ не обладалъ достаточной силой воли для того, чтобы отстранить отъ себя людей сомнительныхъ, которымъ

со временемъ удалось получить власть надъ нимъ.

Въ конце концовъ имъ окончательно овладелъ піэтизмъ; и какъ это не странно, то была протестантская женщина, которой удалось пленить православнаго царя въ узахъ религіознаго мистицизма. Внезапная смерть Павла на всю жизнь испугала Александра, и воспоминаніе объ этой смерти настолько сильно и въ продолженіе всей жизни вліяла на него и мучила его, что одно время многіе были убеждены въ томъ, что эта смерть не обошлась безъ участія Александра... Спасеніе отъ этихъ ужасныхъ воспоминаній Александръ находилъ въ мистеріяхъ религіознаго мистицизма, все добрые начинанія, которыя онъ имелъ въ виду для блага своей родины были забыты, все идеалы его полиняли и земныя желанія его исчезли...

То была мечтательница, баронесса Крюденеръ, которая после бурно проведенной молодости бросилась въ объятія піэтизма; въ бурныя времена начала нашего столетія она пріобрела на своихъ современниковъ, далее на самыхъ высокопоставленныхъ такое сильное вліяніе, которое въ настоящее время кажется намъ необъяснимымъ. Императоръ Александръ совершенно отдался и подчинился этой женщины, и вліяніе ея на него было столь сильно, что все свои решенія, даже государственнаго характера, онъ принималъ лишь после молитвъ.

И въ то время, какъ Александръ отдался піэтизму, управленіе государствомъ все цело было предоставлено такимъ любимцамъ его, какъ Аракчеевъ. И хулсе всего было то, что этотъ самый Аракчеевъ былъ совершенно несамостоятельнымъ человекомъ, а куклой въ рукахъ. его многочисленныхъ любовницъ, передъ которыми однако унижались самы высокопоставленныя лица, имперіи.

Точно такимъ какъ его отношеніе къ государству было и отношеніе Александра къ его супруге Елизавете Алексеевне. Въ начале казалось, что бракъ этотъбудетъ изъ счастливыхъ. Но непостоянство и потребность въ страстной любви потянули наконецъ Александра къ другимъ женщинамъ, такъ что въ конце концовъ оба супруга жили совершенно отдельной и дажеуединенной жизныо. Любовныя похожденія Александра,

были чрезвычайно многочисленны, и въ чувствахъ своихъ онъ былъ весьма непостояненъ. Но наконецъ его пленила одна женщина настолько сильно, что онъ остался ей веренъ въ продоллсеніи всей жизни. То была жена друга молодости Александра, Дмитрія Нарышкина. Некоторое время серіозную конкурренцію Нарышкиной делала графиня Бобринская, и изъ этой связи Александра происходить польскій родъ Варпаховскихъ. Но въ конце концовъ победила Нарышкина надъ всеми

остальными соперницами.

Марія Антоновна Нарышкина была отъ рожденія полькой, дочерью князя Четверинскаго, который въ 1794 г. былъ во время варшавскихъ бунтовъ повешенъ народомъ. Еще очень молодой девицей ее выдали замужъ за любимца Александра I, за Дмитрія Нарышкина. Какъ только государь увиделъ ее въ первый разъ, онъ смертельно влюбился и немедленно добился успеха у Нарышкиной. Говорятъ, что въ одинъ прекрасный день, когда императоръ былъ въ отличномъ расположены духа, онъ назначилъ Нарышкина оберъ-іегермейстеромъ со словами обращенными къ супруге обманутаго мужа: „Такъ какъ я ему поставилъ рога, то пусть же онъ теперь заведуетъ оленями“.

Результатомъ этой связи было трое детей, изъ которыхъ царь безумно любилъ дочь Софію. Дети все назывались Нарышкинами, несмотря на то, что мужъ Маріи Антоновны отлично зналъ, что не онъ ихъ отецъ..

Въ своихъ воспоминаніяхъ о венскомъ конгрессе пове-

ствуетъ графъ Делагардъ, что самъ Дмитрій Нарышкинъ ответилъ императору Александру на вопросъ его : „какъ поживаетъ твоя дочь Софія?“ „Но Ваше величество, ведь она вовсе не моя дочь, а Ваша... Въ другой разъ царъ осведомился у своего любимца о жене его и его детяхъ. Нарышкинъ цинично ответилъ: „О какихъ детяхъ Ваше императорское величество справляются? О моихъ или о Вашихъ?“

Софію Нарышкину, которую императоръ впоследствіе узаконилъ и возвелъ въ достоинство графини Романовой, постигла трагическая участь; она была такой же красавицей какъ и ея мать; но она была слабаго здоровія и умерла 17 летъ отъ роду накануне дня назначенная для ея свадьбы съ графомъ Андреемъ ;НІуваловымъ. Эммануилъ Нарышкинъ, также сынъ Александра I, умеръ несколько летъ тому назадъ, занимая должность оберъ-гофмаршала императора Николая II.

Нарышкина, однако не оставалась верной своему царскому любовнику, и обманывала мужа и Александра поочередно съ княземъ Гагаринымъ, который за это былъ высланъ заграницу, и съ адъютантомъ Александра, съ графомъ Адамомъ Ояровскимъ. Однажды Александръ пожелалъ посетить Нарышкину на ея даче въ Петергофе; пріездъ его тамъ вызвалъ целый переполохъ; царь увиделъ, какъ адъютантъ его искалъ спасенія въ платянномъ шкапу. Царь былъ пораженъ и обратился

къ своему адъютанту со словами: „Ты похитилъ у меня самое дорогое. Темъ не менее съ тобой я обращусь и дальше какъ съ другомъ. Твой стыдъ будетъ моей местью. И действительно Александръ простилъ своего адъютанта, который не только

остался въ занимаемой имъ должности, но и достигъ очень высокихъ ступеней служебной лестницы. Нарышкина же окончательно проиграла свою партію и не смела больше показываться на глаза императору. После смерти ея мужа и императора она выехала въ Германію, поселилась въ Тегернзее близъ Мюнхена, и умерла тамъ въ 1854 году.

После разрыва съ Нарышкиной Александръ снова зажилъ съ супругой своей Елизаветой Алексеевной, и следуетъ лишь удивляться той любви и самоотверженности на которую была способна императрица, съ которой она приняла легкомысленнаго и заставлявшаго ее такъ много перестрадать, супруга. Но уже было поздно, время счастья и супружеской любви было отмерено чрезвычайно скупо. 21 ноября 1825 года уже умеръ Александръ въ Таганроге и черезъ несколько недель, на пути следованія его останковъ въ Петербургъ, сопровождая тело своего супруга, окончилась въ городке Белове.

Во время одного изъ путешествій по югу Россіи скончался Александръ Благословенный въ Таганроге.

Относительно этой смерти не замедлила образоваться легенда о томъ, что царь вовсе не скончался, а что вместо него положснь въ гробъ другой трупъ, обыкновенная смертнаго. Русская исторія полна о такихъ легендахъ, полна самозванцами и полна верой въ несуществующіе самозванцы. Не даромъ же слово „самозванецъ“ почти что не переводимо ни на одинъ изъ иностранныхъ языковъ. По поводу легенды о томъ, что Александръ вовсе не умеръ, а отправился въ Сибирь въ качестве отшельника, не стоило бы останавливаться, если бы легенда эта не была одно время чрезвычайно распространена въ русскомъ обществе, и не послужила бы даже предметомъ серіознаго историческаго труда, принадлежащая перу великаго князя Георгія Михаиловича, который въ своемъ изследованіи окончательно опровергъ эту басню. Помимо любви нашего народа къ чудеснымъ сказаніямъ о смерти русскихъ царей, сказаніе о долгой отшельнической жизни Александра объясняется и темъ мистически-религіознымъ настроеніемъ, въ которомъ государь этотъ пребывалъ во второй половине своего царствованія, въ особенности после знакомства и долгой связи его съ баронессой Крюденеръ.

Более, если подумать на какой путь хотелъ и могъ этотъ государь, необладавшій никакими государственными способностями, а лишь доступный всему хорошему, поставить нашу родину; и что сделалъ онъ изъ

всего того? Угнетенную и разслабленную онъ передалъ ее на изнасилованіе брату своему Николаю... грубому коронованному

фельдфебелю, имя котораго теперь еще наводитъ ужасъ на всю свободолюбивую Россію.

Поступило въ продажу:

Марокъ

АМФИТеатровЪ, Алекс. Господа Обмановы,

Ал. АмФитеатровъ (old Gentlman) со-
сланъ на 12 летъ въ Сибирь ч. 1—3 по 1,--
Содержаніе: I Дело о 193 лицахъ.—
II. Дело Мервинскаго, Теглева и Фурсова — о подкопе подъ Малую Садовую улицу. —
Ш. Дело IОрія Богдановича и IIрибылевыхъ. — IV. Дело Веры Филипповой, Чемодановой и другихъ. — V. Дело о Варшавскомъ „Пролетаріате“. — VI. Дело объ убійстве купчихи Боговской въ Пскове. — VII. Дело о Германе Лопатине, Петре Якубовиче и другихъ 19 лицахъ.

Вл. Короленко. Чудная.....

Домъ № 13.....
Портъ-Артуръ .....
Евреи въ Москве.....
С. ІЩедринъ Топтыгинъ І, П, ІП ....
Бильбасовъ В. А. Исторія Екатерины Второй
Томъ І и ІІ.....25,
» /

Въ настоящее изданіе вошло все, что руссской цензурой не пропущено.

Очевидецъ. — Кровавое воскресенье въ С-Іетербурге 9—22 января 1905, наброски съ натуры, отзывы заграничной печати.....1,—

Новые матерглы по біограФіи россійскихъ

коронованныхъ особъ, составленные на основаніи заграничныхъ документовъ:

Томъ III. Елизавета Петровна, ея проис-

хожденіе, интимная жизнь и правленіе .....2,—

(Çu/Z

Въ этой книге знаменитаго вождя соціалистовъ обстоятельно обсуждается женскій вопросъ, имеющій столь крупное значеніе для нормальнаго развитія современнаго общества. Авторъ такъ умело написалъ свою книгу, что она въ самый непродолжительный срокъ выдержала на немецкомъ языке 30 изданій.

лйл